

«Толстые» патриотические журналы в СССР: истоки их традиции, их круг и оппоненты

Аннотация. В статье рассматривается круг «толстых» консервативно-патриотических журналов, авторы которых в советское время пытались в рамках идеологически возможного отстаивать русские национальные интересы и ценности русской истории. Это, прежде всего, «Молодая гвардия», «Москва» и «Наш современник», причём понятия ««толстые» патриотические журналы», «авторы журналов», «круг журналов» рассматриваются практически как синонимы. Ведь речь идёт о явлении хотя и привязанном к конкретным уважаемым изданиям, но более широком, чем формальные рамки их страниц. Основной тезис статьи состоит в том, что патриотические журналы второй половины советской эпохи продолжали и развивали две давние тенденции, могущие показаться в чём-то противоречащими друг другу, но на самом деле сочетающиеся вполне гармонично. Первая — автономный государственный, но не государственный, патриотизм, стремящийся принести благо России, русскому народу и с этой целью возражающий и критикующий текущую власть — с положительным намерением её образумить, преобразовать и улучшить, а не свергнуть до основания. Вторая — оправдание текущей власти, когда её достоинства слишком многим оказывались неочевидны с точки зрения долгосрочных национально-государственных интересов. В статье рассматривается дискуссия между патриотическими и либеральными журналами и авторами, порождённая знаменитой статьёй В. А. Чалмаева «Неизбежность» в «Молодой гвардии», статьи М. П. Лобанова

и С. Н. Семанова, споры Б. М. Сарнова и В. В. Кожина и иные сюжеты, важные для понимания этой темы.

Ключевые слова: «толстые» патриотические журналы, «Русская партия», «Наш современник», «Молодая гвардия», Лобанов М. П., Семанов С. Н., Чалмаев В. А.

Для цитирования: Смагин С. А. «Толстые» патриотические журналы в СССР: истоки их традиции, их круг и оппоненты // Ортодоксия. — 2022. — № 4. — С. 77–100. DOI: 10.53822/2712-9276-2022-4-77-100

Начать статью, посвящённую проблематике советских «толстых» консервативно-патриотических журналов, хотелось бы с небольшого терминологического уточнения. Основные из этих журналов — «Молодая гвардия», «Москва» и «Наш современник», они же — точка отсчёта и краеугольный камень данного материала. В то же время уместнее говорить о «круге “толстых” патриотических журналов». Ведь, рассуждая о журнале «Молодая гвардия», нельзя не сказать об одноимённом издательстве, в котором, в свою очередь, выходила (и выходит) серия «Жизнь замечательных людей», которой придавал особое патриотическое звучание Сергей Семанов. А он, в свою очередь, не только публиковался в основных «толстых» журналах, но и несколько лет редактировал журнал «Человек и закон», где также старался проводить соответствующую своим убеждениям редакционную политику. Поэтому мы будем использовать понятия «“толстые” патриотические журналы», «авторы журналов», «круг журналов» практически как синонимы, ибо речь идёт о явлении, привязанном к конкретным уважаемым изданиям, но более широком, чем формальные рамки их страниц.

Основной наш тезис заключается в том, что патриотические журналы второй половины советской эпохи продолжали и развивали две давние тенденции, кому-то могущие показаться в чём-то противоречащими друг другу, но на самом деле сочетающиеся вполне гармонично. Первая — автономный государственный, но не государственный, патриотизм, стремящийся принести благо России, русскому народу и с этой целью возражающий и критикующий текущую власть — с положительным намерением её образумить, преобразовать и улучшить, а не свергнуть до основания. Вторая — оправдание текущей власти, когда

её достоинства слишком многим оказывались неочевидны с точки зрения долгосрочных национально-государственных интересов.

Первую тенденцию представляет широкий круг ярких фигур. От Юрия Самарина, своими «Письмами из Риги» с критикой немецкого засилья в прибалтийских землях навлёкшего на себя неудовольствие Николая I, и других славянофилов — до Михаила Каткова, на иных временных отрезках поддерживавшего власть, но часто и интенсивно при Александре III и особенно его отце критиковавший внутреннюю и внешнюю политику и ответственных за неё министров. При этом Михаил Никифорович старался избегать нападок лично на монархов, и не столько, вероятно, в силу цензуры, сколько сообразно внутренним убеждениям.

Весьма обширна и вторая тенденция. Здесь и левые, и либеральные оборонцы Первой мировой, вплоть до Плеханова и Кропоткина, и оборонцы-эмигранты Второй мировой, и, уже в постсоветские годы, Эдуард Лимонов со своей НБП, при непримиримом отношении к ельцинскому режиму поддерживавший Первую Чеченскую кампанию.

Представители первой тенденции считали, что текущая власть в фундаментальной основе и принципе своём хороша или, по крайней мере, нормальна, но в её действиях очень многое надо исправить. Представители второй считали власть в основе ненормальной, но заслуживающей поддержки за конкретные шаги. Весьма показательно, что лимоновская Национал-большевистская партия, можно сказать, унаследовала своё название от феномена, ставшего стыком двух тенденций и одновременно предтечей «толстых» патриотических журналов.

В наши задачи не входит полное и подробное описание феномена национал-большевизма, или сменовеховства (понятия не абсолютно тождественные, но смыкающиеся). Отметим наиболее важные черты, важные для понимания генезиса конкретного исследуемого нами явления.

Нашумевший в начале 1920-х сборник «Смена вех» стал предметом бурного обсуждения как в Советской России, так и в русской эмигрантской среде, которую, собственно, и представляли авторы. Более радикальные товарищи по изгнанию обвиняли их в апологии революции и большевизма. На самом деле миссия Николая Устрялова и других авторов не была апологией в нынешнем, упрощённо-обывательском, смысле этого слова, но вполне соответствовала его изначальному смыслу: не похвала, а, как мы уже говорили, оправдание. Уместно, пожалуй, назвать сборник ещё и «революциодицеей». При этом «сменовеховцы», несомненно,

более благосклонно относились к новому режиму самому по себе, чем, скажем, Ильин и Деникин к нему же в годы Великой Отечественной войны, а Плеханов и Кропоткин к царизму в период Первой мировой.

Авторы сборника на его страницах по ряду важных вопросов были отнюдь не едины во мнениях. Так, Устрялов, Лукьянов и Бобрищев-Пушкин считали политическую и экономическую эволюцию большевистского режима закономерной потому, что она продиктована настроением народа, но при этом тактической. Потехин и Чахотин же находили перерождение истинным и глубинным. Чахотин писал: «Логика событий неумолимо заставляет их сдавать свои практически неверные позиции и становиться на те, что более согласуются с логикой жизни» (Чахотин 2021: 215). Тем не менее обе стороны считали именно власть субъектом эволюции и вообще признавали её эволюционный потенциал.

В «Смене вех» и порождённом ею общественно-интеллектуальном движении вообще был весьма заметен элемент двойственности и противоречивости, где-то диалектически снимаемой, а где-то дихотомически непримиримой. Это выражалось и в риторических приёмах. Так, Устрялов спрашивал сам себя и читателей: «Красное ли знамя безобразит собой Зимний дворец, — или, напротив, Зимний дворец красит собой Красное знамя? Интернационал ли нечестивыми звуками оскверняет Спасские ворота, или Спасские ворота кремлёвским веянием влагают новый смысл в Интернационал?» (Смена вех 1921: 49).

Дуалистический дух вполне объясним, если вспомнить цель или, скорее, чаяние авторов сборника — прозреть в большевиках могущественную историческую силу, самым безжалостным образом уничтожающую всё отжившее, косное и деградировавшее в русской жизни и государственности, несущую заряд развития и одновременно сохраняющую и по-новому раскрывающую тысячелетние ценности и опоры русскости. Это крайне сложно достижимое желание можно назвать революционным консерватизмом или чем-то аналогичным интегральному национализму: и старое, и новое хорошо, если служит нации, и ровно в той мере, в какой ей служит.

Поэтому не просто символично, но и вполне логично, что именно национал-большевистским духом и пониманием исторического процесса были пропитаны две из трёх статей, положивших начало самой яркой странице в биографии национал-патриотических журналов — их жёсткой полемике с журналами либеральными. Речь идёт о статьях Виктора Чалмаева «Неизбежность», вышедшей в № 9 за 1968 год

в журнале «Молодая гвардия», и Сергея Семанова «О ценностях относительных и вечных», вышедшей через два года в том же журнале в № 8 за 1970 год. Третья (а хронологически первая — № 4 за 1968 год в «Молодой гвардии») статья, «Просвещённое мещанство» Михаила Лобанова, прямых национал-большевистских посылов не имела, но стала источником вдохновения и точкой опоры для Чалмаева и всей дискуссии.

Лобанов обрушился на агрессивную пошлость «властителей дум» и «мастеров культуры», приводя в качестве примера Булата Окуджаву и Анатолия Эфроса с его постановкой чеховских «Трёх сестёр» на сцене театра на Малой Бронной. Но пошлость стала лишь симптомом антинационального мещанского нигилизма и его конкретной актуальной формы, «американизма», которым противостоит дух национальный, в конкретном случае — русский.

Лобанов восклицает: «Когда нация не застыла ещё в определённых формах, когда внутренние силы её мощно бродят, пусть потенциально, тогда есть историческая надежда. Но может ли она быть, когда нация нивелируется в стандарте самых несложных прагматических идеалов и потребностей? Это упрощение заразительно в нынешнем мире. Американизм духа поражает другие народы. Уже анахронизмом именуется национальное чувство. Какие там могут быть судьбы народов, когда, по словам одного зарубежного социолога, Европа не что иное, как “единый индустриальный организм”, где взаимосвязь разноплеменной массы целиком определяется технико-организационными факторами.

Интеграция — вот слово, которым эти ревнители “единого организма” хотели бы духовно просветить народы, заражённые национальным “анахронизмом”. Так интегрировать, чтобы начисто соскоблить этот дикий пережиток национального, народного, чтобы перемешать всех во всеобщей индустриальной пляске. Чтобы ни духа, ни памяти о прошлом, ни самого языка не осталось от этих самых народов, без всего этого груза куда успешнее будет регулирование “единым организмом”. Ничего, что с такой “интеграцией” в народах исчезнут атлантиды самобытной культуры, что вместо красочного луга, усеянного цветами, вытянется что-то вроде голого асфальтированного шоссе, что нивелировка породит гибельную для творчества стандартизацию.

Рано или поздно смертельно столкнутся между собой эти две непримиримые силы: нравственная самобытность и американизм духа» (Лобанов 2008: 19–20).

Чалмаев, одобряя и развивая мысль Лобанова, от вопросов культуры поднимается к вопросам историософским. Вся история России, как до-революционная, так и советская, для него неразделимое целое, причём целое, противостоящее тому самому западничеству, принявшему в итоге форму американизма.

Восхищение автора вызывают и цари («есть и в усилиях Петра Первого, Ивана Грозного — и в попытках реформаторов церкви видоизменить на благо родины византийскую идею отречения от мира как главного подвига человека, нечто великое, вдохновляющее и нашу мысль о подвигах исторического творчества» (Чалмаев 1968: 266), и бунтари, и, с некоторой для советского публициста дерзостью, религиозные деятели. Вот что он пишет о протопопе Аввакуме: «Внешне простоватый и озорной... Русский глашатай Христова, не униженного никем слова... Не о расколе мечтал этот бунтарь, заступник бедноты... а о великом единении. Он выступает как патриот России, ищущий блага всем “чёрным людям”... Взыскательная совесть давала возможность заглянуть вдаль истории, угадать далёкие звенья» (Чалмаев 1968: 266, 268).

Раскольник Аввакум — такая же неотъемлемая и важная часть русской истории, как и его соперники-никонианцы: «И Никон, и Аввакум, и Морозова, и Хабаров, и — по-своему — Разин олицетворяют стремительно шедшую на Руси цивилизацию души... Народный организм как бы “откладывает” про запас эти возвращенные Аввакумом и Никоном духовные силы, огненные порывы и мечты, он выплавляет из них основу для государственных подвигов. Один раз в сто лет выходит русский народ на Полтавскую битву или Сталинградское противостояние, но готовят его к этому века» (Чалмаев 1968: 267–268). В другом месте Чалмаев ставит в один ряд мятежного протопопы и Степана Разина: «Аввакум, как и Ерофей Хабаров, и Разин, дважды посетивший в поисках истины Соловецкую обитель, ощущает, что тогдашняя официальная власть, каноны государства и церкви никак не исчерпывают России, не являются даже тем обрядом, не говоря уж — идеей, в которых до конца высказывается душа народная» (Чалмаев 1968: 268).

Вывод Чалмаева: наша история — это путь, которым народ «то путём эволюции, то при помощи революционного взрыва» (Чалмаев 1968: 266) шёл к более прогрессивным и, главное, национально-обусловленным формам своего существования. И Ленин, и патриарх Гермоген,

вдохновлявший народные ополчения во время Смуты, — в равной степени «духовные вожди нации».

Семанов через два года согласился с Чалмаевым и подытожил его рассуждения: «Ощущение преемственности поколений в деле строительства и защиты Родины есть лучшая основа для патриотического воспитания граждан, в особенности молодых. И здесь хотелось бы подчеркнуть, что в охране и сбережении нуждаются не одни лишь памятники далёкого прошлого, не только традиции и обычаи, идущие из глубины веков, но и то, что было создано в последние пять десятилетий, и в особенности наша Великая Революция. Ибо эта Великая Революция есть также наше бесценное национальное достояние. И мы, советские граждане, гордясь творениями древних мастеров Новгорода и Еревана, Киева и Самарканда, нашей великой литературой и музыкой, подвигом народа, освоившего гигантские пространства Европы, Азии и Америки, славой Бородина и Сталинграда, — гордимся Великой русской революцией, открывшей новую эпоху в судьбе Родины и всего мира» (Семанов 1970: 317). И: «Не случайно, что в тревожные дни ноября 1941 года нам напомнили об Александре Невском и Дмитрие Донском, Козьме Минине и Дмитрие Пожарском, Александре Суворове и Михаиле Кутузове. Поистине, прошлое и настоящее неразрывны!» (Семанов 1970: 319).

Но статья Семанова была уже своеобразным постскриптумом, отголоском дискуссии, начатой Лобановым и Чалмаевым. Между тем на 1968–1970 годы пришлась основная часть этой дискуссии. Из статей либерального и условно-либерального направления, где выдвигались претензии публицистам-патриотам, особенно значимой была «О традициях и народности» (Дементьев 1969), написанная известным критиком Александром Дементьевым. Дементьев, опираясь на обильное цитирование Ленина и документов КПСС, принципы патриотизма, истинно верного лишь с добавлением «советский», и пролетарского интернационализма, громит конкретных авторов и «Молодую гвардию» в целом. Список претензий широк и грозен: идеализация деревни и русской природы, подспудная симпатия к православию и его ярким русским фигурам, любование дореволюционными консерваторами и славянофилами в ущерб революционным демократам, внеклассово понятое национальное чувство, чреватое вырождением в национальное чванство и шовинизм.

Справедливости ради Дементьев не призывал полностью отказаться от культурно-исторического канона «Молодой гвардии» и национально-патриотического сообщества: «Между тем ничто не мешает высоко ценить “Слово о полку Игореве”, “Житие протопопа Аввакума” и “Троицу” Рублёва, музыку Глинки и “Могучей кучки” и одновременно Рахманинова и Скрябина, живопись передвижников и В. Серова, Нестерова, Коровина, произведения Чернышевского и Достоевского, Горького и Бунина, Маяковского и Блока» (Дементьев 1969: 220). Но пропорции, которых придерживались оппоненты, его явно не устраивали. Кроме того, перейдя от рассмотрения сугубо культурных вопросов на участок их смычки с социальными, Дементьев поругал «молодогвардейцев» за их невосторженность идеей мещанского благополучия и подчеркнул, что советскому обществу нечего бояться буржуазного влияния.

Материал Дементьева вывел дискуссию на новый уровень агрессивности и политической значимости. В июле 1969-го в «Огоньке» появилось письмо одиннадцати писателей, критиков и литературных функционеров под названием «Против чего выступает “Новый мир”?». Журнал и лично Дементьев упрекались в нигилизме, подмене пролетарского интернационализма либеральным космополитизмом («отражение» тезиса о молодогвардейском переходе от патриотизма к шовинизму), фактически в русофобии, в запрете именно русским, единственным из советской семьи народов, любить свою родину.

Публикация в «Огоньке» стала переломным моментом и фактическим началом конца Александра Твардовского на посту главного редактора «Нового мира». Спустя полвека это событие вызывает двойственные ощущения: безусловная личная драма великого русского советского поэта и одновременно победа русского начала в советской общественно-культурной жизни. Впрочем, партийный аппарат, стремившийся в общем и целом придерживаться схемы сдержек и противовесов, особо не хотел фиксировать победу «Молодой гвардии» и её лагеря на постоянной основе. Поэтому в ноябре 1970-го «за допущенные ошибки в работе» Секретариат ЦК освободил от работы главреда «Молодой гвардии» Анатолия Никонова, вскоре занявшего такую же должность в журнале «Вокруг света».

Интересно, что в журнальной дискуссии, как и в гражданской войне 1917–1922 годов, имелся и третий лагерь, представленный «Знаменем», «Литературной газетой», «Октябрём». Эти органы и их авторы разделяли

идею, что по-настоящему светлая эра России началась в 1917-м, а из предшествующего наследия в первую очередь следует брать всё революционное, связанное с жизнью и борьбой угнетённых классов либо деятельностью и творчеством передовых представителей дворянства и буржуазии. Но использование «Новым миром» риторики советского патриотизма и ленинизма казалось им лживым, прикрывающим либеральный космополитизм и западничество.

В знаменитом романе «Чего же ты хочешь?», выпущенном главным редактором «Октября» Всеволодом Кочетовым как раз во время дискуссии, практически равному осуждению подвергаются как либералы-западники, так и почвенники типа Ильи Глазунова. Но и победа «линии Кочетова» была партаппарату не нужна: «Чего же ты хочешь?» попал в зону полузапрета, его обсуждение с любым оценочным знаком было практически табуировано, соответственно, в некоторой опале оказался и сам Кочетов. Уточним: говоря о партийном аппарате, его линиях, стремлениях и желаниях, мы берём средневзвешенное значение. У каждой из конкурирующих линий по отдельности были свои влиятельные лоббисты, стремившиеся повлиять на решение в ту или иную пользу. Этого вопроса мы ещё коснёмся.

Реабилитация православия как источника национальных ценностей, источника национальной культуры и вместилища национальных героев продолжилась кругом «толстых» журналов и далее. Собственно, этот круг во многом был сформирован на базисе Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, появившегося в 1965 году и особое внимание уделявшего как раз спасению и охране храмов и иных памятников русского православия. Здесь как никогда уместна расширительная трактовка понятия «круг “толстых” журналов», ибо праведная борьба за святыни вышла далеко за пределы журнальных и книжных страниц. Свидетельство этому — институционализация «Золотого кольца России», осуществлённая в 1967 году одним из основателей ВООПИК Юрием Бычковым. С той поры своеобразными защитниками и популяризаторами храмов и монастырей стали сотни тысяч туристов, едущих по этому легендарному ныне маршруту. Впрочем, вновь сужая понятие, скажем, что изначально Бычков ввёл понятие «Золотое кольцо» как раз на страницах прессы — в газете «Советская культура».

Газетно-журнальная защита и воспевание русских национальных традиций в 1970–1980-е годы продолжались. Выходили такие книги,

как «Память и красота» Ивана Белоконя (Белоконь 1987) и «Связь времён» Бориса Бродского (Бродский 1974) (последняя — для детско-юношеского возраста), в которых особое внимание уделялось именно православным памятникам. Кстати, под названием «Связь времён» в 1980 году в издательстве «Молодая гвардия» вышла ещё одна знаменательная применительно к исследуемой теме книга (Нестеров 1980). Её автор, Фёдор Нестеров, показывал неизменную при любых социально-экономических формациях и в любые эпохи разницу между Западом и Россией, периодически переходящую в открытую борьбу. В 1981-м книга удостоилась первой премии и диплома первой степени на Всесоюзном конкурсе общества «Знание» на лучшее произведение научно-популярной литературы.

Стали вполне возможными противоречивые с теологической точки зрения, но объективно расширявшие пределы допустимого высказывания, как в книге Владимира Солоухина «Камешки на ладони» (1977): «Можно представить себе Иисуса Христа (в данном случае не имеет значения, миф это или нет) идущим по дороге, разговаривающим с учениками, исцеляющим больного, сидящим за столом на свадьбе в Кане Галилейской или во время тайной вечери, когда Мария Магдалина омывала ему ноги, возлагающим руки на головы детей, изгоняющим торговцев из храма, проповедующим, слушающим, умирающим на кресте, но нельзя представить себе его смеющимся. Неужели он никогда не смеялся?» (Солоухин 1977). Выглядит достаточно примечательной и эволюция выдающегося писателя Владимира Тендрякова, не входившего стопроцентно ни в один из лагерей. Выпустив в конце 1950-х, во время хрущёвских гонений на Церковь, антиклерикальную повесть «Чудотворная», он уже спустя десять лет опубликовал «Апостольскую командировку» о равных правах веры и неверия на существование. Последний же роман, «Покушение на миражи» (первое название — «Евангелие от ЭВМ»), написанный на рубеже семидесятых и восьмидесятых и опубликованный посмертно, в 1987-м, Владимир Фёдорович, оставаясь если не атеистом, то агностиком, посвятил центральному месту Иисуса Христа в мировой истории и потере без Него смысла этой истории.

В итоге внимание к православной культуре и её популяризация привели к некоторым противоречивым последствиям вроде поверхностной обывательской моды на православие, его атрибуты. Отыгрыш этой темы, вообще заметной в сатире того периода, можно увидеть в фильме

«Блондинка за углом», где пасхальная служба служит местом встречи «нужных людей».

Пытаясь полноценно легитимировать национально-религиозную традицию и русскую историю в органической связке с «красным проектом» и советской властью, круг «толстых» журналов (точнее, некоторые его видные представители) начал аккуратно вписывать в это органическое единство и белое/антибольшевистское движение времен гражданской войны. На самом деле канон определённого понимания Белого дела и признания гражданской войны трагедией, не имеющей исключительно правой и исключительно виноватой стороны, был заложен ещё в 1920–1930-х благодаря Булгакову, Шолохову, Алексею Толстому, Борису Лавренёву с его «Сорок первым», Артёму Весёлому с его «Россией, кровью умытой». Новый этап этой же тенденции в 1960-х, воплощённый в массовой культуре и конкретно фильмах вроде «Новых приключений неуловимых», привёл в какой-то степени к тем же последствиям, что и в случае с религией: многие обыватели стали «белых» поверхностно воспринимать лишь как заблудших, но любящих Россию романтиков, исполняющих трогательно-грустные романсы о «русском поле».

Патриотические авторы, такие как Сергей Семанов, стремились вернуть глубину понимания «белых» и одновременно придать их апологии новые нотки, не только защитно-оправдательные, но и осторожно-наступательные, с критикой особо рьяных хулителей и вульгаризаторов. Известна история, как Сергей Николаевич, пролетая с группой деятелей писательского цеха над Кубанью, предложил почтить вставанием память генерала Корнилова, погибшего в этих краях. На журнальных страницах он такого эпатажа позволить себе не мог, но использовал более деликатные и менее раздражающие цензуру способы.

Примером может служить рецензия Семанова на роман Марка Еленина «Семь смертных грехов», опубликованная в 1981 году (Семанов 1981). Почти забытый в наши дни автор, Еленин специализировался на теме белой эмиграции, получая доступ в закрытые архивы спецслужб и к раритетным эмигрантским изданиям. Результат этих штудий и раскритиковал Сергей Николаевич. Просим прощения за длинную цитату далее, но она того стоит, так даёт хорошее представление о взглядах С. Семанова:

«У Шолохова, А. Толстого и Булгакова изображены — с необычайной художественной силой! — многие тёмные стороны белогвардейщины:

расправы с пленными, разгульное пьянство, изнасилования. Но разве хоть где-нибудь можно увидеть у названных писателей равнодушие к избражаемому? И разве в “Тихом Доне” тот же генерал Деникин не показан как противник умный и сильный? И разве герои “Бега” только пьянствуют и скандалят, а не размышляют мучительно о судьбах родины и своём собственном неудавшемся пути?

Нагромождая ужасы, словно бы любясь всем этим крошечным безумием, Марк Еленин низводит трагедию до анекдота, “хохмы”.

Вспомним опять-таки “Тихий Дон”, сцену отступления, безнадёжного бегства Белой армии, казачьего унтер-офицера, измученного, с обмороженными руками, который посреди всеобщего распада тащит с несколькими такими же усталыми людьми тяжёлые пушки. “Жизни решись, а батареи не брошу!” — говорит он. Решимость и стойкость этого обречённого человека не могут не вызвать сочувствия. “Никому не нужный Тушин”, — точно и горько определил его характер П. В. Палиевский.

Легко представить в этой связи, как подобную картину описал бы Марк Еленин. Ясно, что казак с обмороженными руками оказался бы сифилитиком, пьяницей и грабителем, а пушки тащил бы лишь затем, чтобы продать их на ростовской толкучке. Трагедия исчезла, остаётся ещё один ком пахучей грязи.

...Когда милиционер ловит вора, применяя физическую силу, — это не трагедия. Трагедия — это судьба Григория Мелехова, Даши и Кати, булгаковских героев, потерявших путь и ориентиры в жизни. Трагедия — это общая судьба народа на крутом историческом изломе. Пусть это будет оптимистическая трагедия, пусть решение находится положительное, трагедия всё равно остаётся. И вряд ли справедливо и благородно превращать трагическое прошлое в кунсткамеру» (Семанов 1981: 189–190).

Конечно, нельзя сказать, что позиция Семанова не имела для него негативных последствий. Как раз в тот период он попал в немилость и лишился поста главного редактора журнала «Человек и закон», во многом с подачи главы КГБ Ю. В. Андропова, весьма настороженно относившегося к русским патриотам.

К началу периода руководства страной М. С. Горбачёва «толстые» патриотические журналы и их круг подошли со значительным багажом достижений и побед, хотя и список личных и групповых поражений и опал был довольно солиден. И, говоря о судьбе и роли «толстых»

журналов в перестроечные годы, нельзя не отметить, что человек, получивший титул «архитектора перестройки», с этими журналами был знаком давно, хорошо и вполне определённым образом. Именно Александр Яковлев через два года после окончания условной победой патриотов той самой полемики 1969–1970 годов, будучи и. о. заведующего отделом пропаганды ЦК КПСС, опубликовал статью «Против антиисторизма». В этом печально знаменитом материале, вышедшем 15 ноября 1972 года в «Литературной газете», подробно и максимально негативно разбирались и хулилось стремление «Нашего современника» и «Молодой гвардии» взглянуть на русскую историю до 1917 года с позиций не совсем классовых и разглядеть в русских царях и генералах не только чёрные черты, а в русской природе, архитектуре и национальном характере — сам факт того, что они русские.

По сути, это было возобновление противостояния, причём инициированное уже не членом самого литературно-публицистического цеха, а высокопоставленным партийно-идеологическим работником примерно министерского ранга. При этом сам Яковлев, используя как оружие партийные марксистско-ленинские постулаты, внутренне уже руководствовался в большей степени антинациональным либерализмом. Вспоминая в своих мемуарах «Омут памяти» зачин предыдущей полемики, статью Дементьева, Александр Николаевич говорит: «Статья Дементьева была полна лукавства. Это очевидно. Но тогда нельзя было обойтись без использования марксистских банальностей» (Яковлев 2000: 176). И вскоре характеризует собственный материал: «Моя статья, как и статья Дементьева, была выдержана в стиле марксистской фразеологии. Я обильно ссылался на Маркса и Ленина, и всё ради одной идеи — в острой форме предупреждал общество о нарастающей опасности великодержавного шовинизма, местного национализма и антисемитизма. Критиковал Лобанова, Чалмаева, Семанова и других апологетов охотнорядчества» (Яковлев 2000: 189–190).

Но на сей раз спровоцировать многомесячный и многосторонний конфликт не получилось, а сам Яковлев проиграл даже без уравнивания этого проигрыша уязвлением патриотов. «Против антиисторизма» получила крайне отрицательную оценку живого классика и главного авторитета русской литературы — Михаила Шолохова. Сам генсек Леонид Брежнев нецензурно отозвался о Яковлеве как о человеке, стремящемся поссорить советскую власть с русской интеллигенцией.

Идеолог был отправлен послом в Канаду. Вернувшись откуда в 1980-х и став ближайшим сподвижником Горбачёва, он смог конструировать общественно-политические процессы в духе своей скандальной статьи, поначалу ещё используя марксистско-ленинскую риторику, а затем всё больше её отбрасывая.

Однако сопутствующая «перестройке» «гласность», дав возможность антигосударственным и нигилистическим силам упражняться в нападениях на русский народ, русскую историю, национальное самосознание, армию и т. д., позволила и патриотам более открыто и активно отстаивать свои позиции. В 1987–1991 годах полемика 1968–1970 годов воспроизвелась с ещё большим уровнем ожесточённости, большим охватом изданий и всё меньшим влиянием цензуры. Статьи того или иного лагеря порождали настоящие дискуссионные марафоны, с массой ответвлений и множественностью слоев. Полем боя оказывались даже издания вроде «Советского цирка».

Для либерального лагеря было характерно стремление стереть любые полутона и провозгласить лозунг «кто не с нами, тот против нас». Характерным свидетельством эпохи выглядит, например, отповедь литературоведа Бенедикта Сарнова критику Алле Латыниной, которая, придерживаясь в целом тех же либеральных взглядов, решила непредвзято оценить статью писателя-патриота Станислава Куняева. Сарнов, связав, что «литераторы, выступающие на страницах журналов “Москва”, “Молодая гвардия” и “Наш современник”, красочно расписывают, как травят их “либеральные жандармы”», немедленно подтверждает правомерность этой характеристики, но скорее на собственном примере. Он пишет: «Куняев, конечно, погорячее и позапальчивее Латыниной. Но ход мысли у него совершенно тот же, что у неё. Нет, не удастся Алле Латыниной сделать вид, что она всего лишь объективна, объективна до щепетильности. Её позиция “над схваткой” — лишь прикрытие, маскирующее несомненное тяготение к одному из враждующих станов. И после всего сказанного вряд ли надо объяснять, к какому именно.

Само собой, есть в статье Латыниной и другие идеи и положения, с которыми нельзя не согласиться. Но, к сожалению, не они определяют её позицию. Латынина, безусловно, права, утверждая, что статью Куняева “Ради жизни на земле...”, которую она защищает, истолковали определённым образом, потому что у автора этой статьи такая репутация. Но репутации создаются не на пустом месте. Репутацию — хорошую,

плохую ли — надо заслужить. Вот, например, у Аллы Латыниной до этой статьи была одна репутация. А теперь, я думаю, будет другая» (Сарнов 1989: 87).

Одним из главных пунктов обвинений либеральных критиков и литераторов в адрес патриотов был якобы присущий им «звериный антисемитизм». Безусловно, для патриотических журналов и их круга было характерно повышенное и подчас болезненное внимание к т. н. еврейскому вопросу; впрочем, нельзя сказать, что степень внимания была вопиюще непропорциональна месту, которое этот сложный и деликатный вопрос занимал в русской истории. Представители же либерального цеха, со своей стороны, регулярно старались спровоцировать оппонентов на обсуждение данной темы и при этом толковали в антисемитском ключе любые их высказывания, а часто и вовсе молчание. Методологию такого рода толкований упомянутый выше Б. Сарнов сформировал ещё в юные годы: «Каждый год, когда в газетах появлялся очередной список новых лауреатов Сталинских премий, мой отец занимался именно вот такими подсчётами. Еврейских фамилий в этих списках всегда было много. Но от года к году всё меньше и меньше, что давало отцу некоторые основания сделать вывод, что для евреев установлен некий фильтр» (Сарнов 2004: 564–565).

То, что эта методология была вполне актуальна и спустя без малого полвека после описываемых Сарновым событий, хорошо иллюстрирует его диалог с известным писателем и мыслителем Вадимом Кожиновым, опубликованный в «Литературной газете». Приведём некоторые выдержки из него и для того, чтобы проиллюстрировать, какая из сторон задавала более агрессивный тон:

«Бенедикт Сарнов. Самое огорчительное и раздражающее меня в ваших статьях — то, что я не чувствую в них стремления к истине. Факты у вас служат не поиску истины, а вашему стремлению подкрепить, подтвердить ту схему, которую вы хотите навязать читателю.

Вадим Кожинов. Подобное обвинение, по сути дела, основано на пресловутой “презумпции виновности”. Я предлагаю всё же исходить из того, что каждый из спорящих стремится к истине — хотя, допустим, и заблуждается, пусть даже глубоко заблуждается на этом пути.

...

Б. С. Не спорю, я “стрелял” в вас гораздо чаще, чем вы в меня. Но ведь у нас не дуэль, а, как принято нынче говорить, “гражданская война”. И вы

не станете отрицать, что в этой “войне” мы с вами — по разные стороны “линии фронта”.

В.К. Давайте всё же заниматься не “войной”, а мирным диалогом.

...

Б.С. Вы говорите: Миронова подло расстрелял Троцкий. Тайную директиву о рассказывании послал Свердлов. В вашем изображении это выглядит так: Свердлов строит какие-то тайные козни, а ЦК его потом поправляет. А в энциклопедии “Гражданская война и военная интервенция в СССР” сказано, что это была директива Оргбюро ЦК. Ни слова не говорите вы и о том, какую зловещую роль играло в рассказывании так называемое Донбюро.

Я понимаю: вам удобнее говорить не “Оргбюро”, а “Свердлов”. Очень приятно найти козла отпущения, в особенности если фамилия у этого “козла” Свердлов или Троцкий (Лейба Бронштейн, как подчёркивают некоторые публицисты).

В.К. Я ничего не подчёркиваю, а только привожу факты; кстати, в прошлой беседе вы утверждали, что эту директиву принял-де Совнарком, а не Оргбюро.

...

В.К. Я перечитал все диалоги, и оказалось, что в каждом из трёх вы настойчиво выдвигали на первый план национальный вопрос, для начала обвинив меня в “выпячивании” ряда имён. На самом деле если уж я кого и “выпятил”, то только Бухарина, то есть русского. А волнующие вас имена были в моих рассуждениях упомянуты лишь потому, что речь шла о событиях начала 1919 года, когда, как вы знаете, в числе 7 человек, составляющих “верхний этаж” власти в России, было 4 еврея, 1 грузин и 2 русских. Я всех семерых и упоминал (плюс поддержавшего Свердлова Якира и спорившего с Лениным Урицкого). О каком же “выпячивании” вы толкуете?

...Исходя именно из уроков классики, я полагаю, что есть два пути. Влиятельно мнение: евреи не могут не слиться с нациями, среди коих живут. Так, Пастернак утверждал: “Я считаю самым большим благом для еврейства полную ассимиляцию” (кстати, кое-кто понимает гласность так: цитируемый текст издан “Искусством” в 1980-м, а “Советский писатель” в 1988 году изъясил эти слова поэта!). Пастернак исходил, возможно, из захватившей его с юности германской философии, которая начиная с Канта (см. его трактат “Религия в пределах только разума” и др.) говорила

о духовной несостоятельности еврейства и видела выход для него в христианстве.

Б. С. Вы чуть ли не всю германскую философию мобилизовали, чтобы придать антисемитской позиции больше веса.

В. К. Вы волей-неволей распространяете подозрение в “антисемитизме” и на Пастернака, который разделяет убеждение Канта (вот кое-кто и изымает слова поэта!). Но обратимся ко второму решению. Мнение Канта оспаривал, например, выдающийся публицист И. Я. Гурлянд — ближайший сподвижник П. А. Столыпина. Гурлянд полагал, что евреи — один из добровольно входящих в состав России, но призванных жить собственной жизнью народов. И я убеждён, что абсолютно необходима полная свобода выбора между этими двумя путями — выбора, который, конечно, рождает свои драмы»¹.

Среди наиболее рьяных хулителей патриотического круга, делавших упор на «еврейский вопрос», отметим и писателя Семёна Резника. В 1970-х, будучи автором книг в серии «Жизнь замечательных людей», он пытался вести подковёрную борьбу против редактировавшего тогда серию Семанова за его русофильский настрой. Когда Сергей Николаевич перешёл в «Человек и закон», Резник попытался атаковать его через журнал «Коммунист» и Институт марксизма-ленинизма за одобрительную рецензию на книгу В. Бегуна «Вторжение без оружия», посвящённую сионизму. В 1990-м Резник, уехавший в США, опубликовал в американской русскоязычной прессе статью «Десант советских нацистов в Вашингтоне», посвящённую визиту делегации советских писателей преимущественно патриотической направленности, и тем самым организовал кампанию разнужданной диффамации бывших соотечественников. Спустя год Семён Ефимович издал книгу с откровенным названием «Красное и коричневое. Книга о советском нацизме» и не менее откровенными пассажами: «Ликвидация тоталитарной системы — необходимое условие того, чтобы в XXI веке Россия и весь мир были избавлены от войн, ГУЛАГов и неограниченного произвола властей над собственными народами. Но такая перспектива не гарантирована. В результате революции 1917 года в России на смену одному деспотизму пришёл другой, более жестокий. То же самое, только с запозданием на полтора десятилетия произошло в Германии после падения империи. И теперь, при развале коммунистической системы,

¹ Что делать?: [диалог недели: В. Кожин — Б. Сарнов]. Литературная газета. — 1989. — №10–13.

на территории Советского Союза или значительной её части, может возникнуть новый тоталитаризм... Зная, что классовая ненависть уже не способна цементировать систему насилия, тоталитарные силы стремятся подменить её национальной ненавистью, которая десятилетиями копилась в советском обществе за фасадом показного интернационализма» (Резник 1991: 7–8).

Особенно сильные негативные эмоции у либерального лагеря вызывал Игорь Шафаревич, всемирно известный математик и лауреат Ленинской премии, с конца 1960-х — начала 1970-х зарекомендовавший себя как публицист, общественный деятель и правозащитник. Примиравший поначалу к единому правозащитному строю под руководством Сахарова, Игорь Ростиславович затем занял автономную позицию. Ему было важно возвышать голос в защиту Русской Православной Церкви и её священников, преследуемых по политическим делам русских патриотов. Сахарову же и основной массе его сподвижников, настроенной либерально-космополитически, приоритетом виделось отстаивание специфических прав человека вроде права на эмиграцию. Идею свободы религии они принимали, но как нечто второстепенное, и православие, в свою очередь, шло во втором ряду после баптистов, адвентистов и т. д. Защита же русских патриотов и вовсе была своеобразным «слепым пятном», в отличие от подчёркнуто национально-ориентированной правозащиты в советских республиках.

Власть довольно мягко относилась к деятельности Шафаревича ввиду его гигантского международного авторитета, но, разумеется, трибуну для выступления перед широкой советской публикой не давала. В 1988–1989 годах этот барьер исчез. Шафаревич стал одним из ведущих ораторов русского патриотического движения и, в частности, одним из ведущих публицистов «толстых» патриотических журналов. (Покойный Александр Казинцев, сотрудник «Нашего современника» в течение почти сорока лет и заместитель его главного редактора в течение тридцати с лишним, беседуя с автором этих строк, назвал Игоря Ростиславовича главным именем НС всего этого периода.) Одновременно он стал и главной мишенью либеральных нападок. Более всего ему ставили в вину трактат «Русофобия», впервые опубликованный в СССР «Нашим современником» в 1989 году. Концепция «малого народа» — немногочисленной, но влиятельной нигилистической группы, активно отрицающей устои и ценности своего государства и большинства сограждан, — была отождествлена

с антисемитизмом. Между тем концепция Шафаревича, имея определённую корреляцию с «еврейским вопросом», шире и сложнее его.

Шафаревич, яростный антикоммунист (признававший, впрочем, что все великие реформы русские были некапиталистическими и что сам капиталистический дух был чужд русскому обществу, причём всем его течениям (Шафаревич 1993), ясно видел последствия кризиса СССР для России и разделённого русского народа. В этой связи по-своему символично, что именно он на страницах «Нашего современника» опубликовал своеобразный критический некролог о Союзе (Шафаревич 1992), в котором терапевтически попытался убедить читателей и, видимо, самого себя в определённых плюсах произошедшего. Игорь Ростиславович признавал всю трагичность и катастрофичность окружающей реальности: «Распалась на части страна, которую наши предки создавали больше тысячи лет. В этом общем деле десятков поколений было много и героического, и святого, и ошибок, и грехов. Строение всё же оказалось прочным — на разрушение его понадобился почти целый век (может, и поболее). Очень сомневаюсь, чтобы распад страны хотя бы для одного из населявших её народов обернулся скорым и несомненным благом. Но для русских — он очевидное несчастье. Думаю, что большинство из нас хоть совсем бессознательно, хоть каким-то уголком души ощущали своё соучастие в грандиозном тысячелетнем процессе, вырываясь тем из бессмыслицы и тривиальности жизни. Теперь эта духовная поддержка ослабла. 25 миллионов русских оказались вне России. Родные братья, родители и дети разделены государственными границами. Порваны многовековые экономические связи. Редкий народ способен пережить такой удар» (Шафаревич 1992: 3).

Одновременно он бодрился: «Похоже, что и наше “худо” не совсем без “добра”. Отношения наций в СССР сплелись, кажется, в клубок, распутать который человеческому разуму сейчас не под силу. Тем, кто духовно связан с этой страной, было мучительно тяжело перестать бороться за её сохранение, даже когда распад был почти неизбежен: осознание трагических последствий распада соединялось со стыдом перед историей и предками за предательство их дела. Теперь же этот клубок рассекла судьба. А оглядевшись после первого шока, мы видим, что Россия в своих новых пределах может оказаться вполне жизнеспособной, куда крепче стоять на ногах, нежели бывший СССР» (Шафаревич 1992: 3).

Преобладающая часть патриотического лагеря уже тогда не разделяла этого умеренного терапевтического оптимизма, да и сам Шафаревич, глядя на величайшую геополитическую катастрофу XX века в её развитии, проводил ревизию своих оценок.

Но послесоветская судьба «толстых» патриотических журналов и их круга выходит за рамки нашего исследования. Отметим лишь, что традиция критического патриотизма, поддерживающего национальные тенденции и деяния даже несимпатичной ему власти, а в остальное время самолично стремящегося вызвать эти тенденции к жизни, по-прежнему жива. Свидетельство тому — поддержка специальной военной операции на Украине автором этой статьи и многими его единомышленниками, находящимися в оппозиции к российской политической системе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

- Белоконь И. А. Память и красота. — М : Современник, 1987. — 301 с.
- Бродский Б. И. Связь времён. — М : Дет. литература, 1974. — 220 с.
- Дементьев А. Г. О традициях и народности // Новый мир. — 1969. — № 4. — С. 215–235.
- Лобанов М. П. Просвещённое мещанство // Оболганная империя. — М : Алгоритм, 2008. — С. 7–22.
- Нестеров Ф. Ф. Связь времён. — М : Молодая гвардия, 1980. — 239 с.
- Против чего выступает «Новый мир»? // Огонёк. — 1969. — № 30. — 26 июля. — С. 26–29.
- Резник С. Е. Красное и коричневое. Книга о советском нацизме. — Вашингтон : Вызов, 1991. — 328 с.
- Сарнов Б. М. Над схваткой // Юность. — 1989. — № 1. — С. 84–87.
- Сарнов Б. М. Скуки не было. Первая книга воспоминаний. — М. : Аграф, 2004. — 695 с.
- Семанов С. Н. О ценностях относительных и вечных // Молодая гвардия. — 1970. — № 8. — С. 308–320.
- Семанов С. Н. История и сплетня // Наш современник. — 1981. — № 11. — С. 186–190.
- Смена вех : сб. статей. — Прага, 1921. — 183 с.

Солоухин В. А. Камешки на ладони. — М : Советская Россия, 1977. — 176 с.

Чалмаев В. А. Неизбежность // Молодая гвардия. — 1968. — №9. — С. 259–289.

Чохотин С. С. В Каноссу! // Смена вех. — М : Модест Колеров, 2021. — С. 203–220.

Яковлев А. А. Омут памяти. — М : Вагриус, 2000. — 604 с.

Шафаревич И. Р. Россия и мировая катастрофа // Наш современник. — 1993. — № 1. — С. 100–129.

Шафаревич И. Р. Россия наедине с собой // Наш современник. — 1992. — № 1. — С. 3–8.

Сведения об авторе:

Смагин Станислав Анатольевич — военнослужащий Вооружённых сил Российской Федерации, выпускающий редактор сайта Politema, 299012, Россия, Севастополь, ул. Истомина, 16 А/19, e-mail: smaginstan@mail.ru

Благодарности:

Светлой памяти Александра Ивановича Казинцева, моего старшего товарища и легенды журнала «Наш современник».

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 28.10.2022; одобрена после рецензирования 22.11.2022; принята к публикации 19.12.2022.

«Thick» Patriotic Journals in the USSR: Origins of Their Tradition, Circle, and Opponents

S. A. Smagin

ARMED FORCES OF THE RUSSIAN FEDERATION, POLITEMA SITE,
SEVASTOPOL, RUSSIA

Abstract. The paper examines the circle of “thick” Soviet conservative-patriotic journals, whose contributors tried to defend Russian national interests and values of the Russian history within the ideological framework of that time. These were, first of all, Young Guard (Molodaya gvardiya), Moscow (Moskva) and Our Contemporary (Nash sovremennik). The terms “thick patriotic journals”, “journal contributors”, and “circle of journals” are considered almost synonymous, as the author is talking about a phenomenon that, although tied to specific respected editions, extends far beyond their pages. The main thesis of the paper is that patriotic journals of the second half of the Soviet period continued and developed two long-standing trends that may seem a bit contradictory, but in fact are combined quite harmoniously. The first is the autonomous statist (yet not state-based) patriotism, which strives to bring good to Russia and the Russian people and for this purpose objects to the current government and criticizes it, wishing to bring it to reason, transform and improve, but not overthrow. The second is the justification of the current government, whose merits are not obvious to many from the point of view of long-term national and state interests. The paper examines the discussion between patriotic and liberal journals and authors generated by the famous article Inevitability (Neizbezhnost’) by V. A. Chalmayev that was printed in the Young Guard journal, publications by M. P. Lobanov and S. N. Semanov,

disputes by B. M. Sarnov and V. V. Kozhinov, and other issues that are important for understanding of the subject.

Keywords: “thick” patriotic magazines, “Russian Party”, “Nash sovremennik”, “Molodaya gvardiya”, Lobanov M. P., Semanov S. N., Chalmaev V. A.

For citation: Smagin, S. A., (2022). Thick Patriotic Journals in the USSR: Origins of Their Tradition, Circle, and Opponents. *Orthodoxia*, (4), 77–100. [In Russian]. DOI: 10.53822/2712-9276-2022-4-77-100

REFERENCES:

- Belokon', I. A. (1987). *Pamiat' i krasota* [Memory and Beauty]. Moscow: Sovremennik. [In Russian].
- Brodsky, B. I. (1974). *Sviaz' vremen* [Links of Times]. Moscow: Det. literatura, 1974. [In Russian].
- Chakhotin, S. S. (2021). V Kanossu! [To Canossa!]. In *Smena vekh* [Change of Signposts] (pp. 203–220). Moscow: Modest Kolerov. [In Russian].
- Chalmaev, V. A. (1968). Neizbezhnost' [Inevitability]. *Molodaya gvardiya*, 9, 259–289. [In Russian].
- Dement'ev, A. G. (1969). O traditsiiakh i narodnosti [On Traditions and Nationality]. *Novyi mir*, 4, 215–235. [In Russian].
- Iakovlev, A. A. (2000). *Omut pamiati* [The Pool of Memory]. Moscow: Vagrius. [In Russian].
- Lobanov, M. P. (2008). Prosveshchennoe meshchanstvo [Enlightened Bourgeoisie]. In *Obolgannaia imperiia* [Slandered Empire] (pp. 7–22). Moscow: Algoritm. [In Russian].
- Nesterov, F. F. (1980). *Sviaz' vremen* [Links of Times]. Moscow: Molodaya gvardiya. [In Russian].
- Protiv chego vystupaet “Novyi mir”? [What does “Novyi mir” Oppose] (1969). *Ogonek*, 30, 26th of July, 26–29. [In Russian].
- Reznik, S. E. (1991). *Krasnoe i korichnevoe. Kniga o sovetskom nazizme* [Red and Brown. A Book About Soviet Nazism]. Washington: Vyzov. [In Russian].
- Sarnov, B. M. (1989). Nad skhvatkoi [Over the Fight]. *Iunost'*, 1, 84–87. [In Russian].
- Sarnov, B. M. (2004). *Skuki ne bylo. Pervaia kniga vospominanii* [There Was No Boredom. The First Book of Memoirs]. Moscow: Agraf. [In Russian].

Semanov, S. N. (1970). O tsennostiakh otnositel'nykh i vechnykh [On Relative and Eternal Values]. *Molodaya gvardiya*, 8, 308–320. [In Russian].

Semanov, S. N. (1981). Istoriia i spletnia [History and Gossip]. *Nash sovremennik*, 11, 186–190. [In Russian].

Shafarevich, I. R. (1992). Rossiia naedine s soboi [Russia Alone with Itself]. *Nash sovremennik*, 1, 3–8. [In Russian].

Shafarevich, I. R. (1993). Rossiia i mirovaia katastrofa [Russia and the Global Catastrophe]. *Nash sovremennik*, 1, 100–129. [In Russian].

Smena vekh : sb. statei [Change of Signposts. Collected Works]. (1921). Prague. [In Russian].

Soloukhin, V. A. (1977). *Kameshki na ladoni* [Pebbles on the Palm of the Hand]. Moscow: Sovetskaya Rossiia. [In Russian].

About the author:

Stanislav Anatolevich Smagin — soldier of the Armed Forces of the Russian Federation, Editor-in-chief of the website Politema, 16 A/19, Istomina str., Sevastopol, Russia, 299012, e-mail: smaginstan@mail.ru

Conflict of interest:

The author declares no conflict of interests.

Acknowledgements:

In memory of Alexander Ivanovich Kazintsev, my senior comrade and the legend of the Nash Sovremennik magazine.

The article was submitted 28.10.2022; approved after reviewing 22.11.2022; accepted for publication 19.12.2022.